

**ЗАГАДКА
БЕРНУЛЛИ,**

ИЛИ

**Закулисье
«СПОРТЛОТО»**

**Николай
ВИНТЕРТЕР**

18+

Николай Вингертер

Загадка Бернулли, или Закулисье «Спортлото»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69140890

SelfPub; 2023

Аннотация

Если бы человеческую сущность составляла только добродетель, то люди были ангелами; но людям (иначе жизнь им кажется скучной) присущи ещё и пороки, которых невероятное число. Один из них – желание разбогатеть на синекуру (бесплатно), не трудясь. Эта человеческая слабость в полной мере проявляется, что ни для кого не секрет, в азартных играх, где выгода, впрочем, всегда у их организатора. Разновидностей игр не счесть, одна из них – лотерейные билеты. Об этом книга "Загадка Бернулли, или Закулисье "Спортлото". В романе история человека, для которого стремление жить на дармовщину превратилось в преступление.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
1	7
2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Николай Вингертер

Загадка Бернулли, или Закулисье "Спортлото"

Пролог

События, о которых пойдёт речь, могли случиться не только в городе К., в котором, как и во многих других больших городах бывшей Страны Советов, имелось региональное управление «Спортлото», но именно в городе К. в середине 80-х годов они получили огласку, как того не хотели власти и государство, получавшее огромный доход от увлечения населения игрой «Спортлото». В городе вдруг регулярно, с интервалами в несколько недель, стали выигрываться до десяти тысяч рублей. По тем временам деньги огромные, за которые можно было купить автомобиль «жигули» или «Волга». Это было плохим показателем для управления, потому что популярная тогда игра «Спортлото» (не менее популярна она и сейчас, поменяли лишь название) была запущена вовсе не для того, чтобы ее участники выигрывали деньги, особенно крупные суммы.

Поползли слухи, что появился в городе некий человек, сродни знаменитому Мессингу, провидец, знающий тайну

чисел, способный их назвать наперед. Более осведомленные, наслышанные об азартных играх, в такой, например, зловещей форме их организации, как казино, говорили, что подобное под силу лишь тому, кто связан с нечистой силой, ведь и в казино всё происходит под знаком дьявола, числом 666, поскольку если сложить цифры рулетки, то получается именно 666.

Слухи превращаются в устойчивые легенды, как и о Мессинге. (Теперь знают, что это был один из крупнейших мошенников XX века.) Но известия о невероятных выигрышах, распространявшиеся по «сарафанному радио», кто-то, стараясь их обосновать, подкреплял конкретным и весомым аргументом: есть, дескать, книга математика Бернулли¹, а в той книге открывается тайна чисел. (Выдающийся математик, живший в XVII веке, вывел систему для определения вероятности наступления каких-то событий.)

Меняется мир, но совсем не меняется суть человеческой природы. И многие искренне и наивно считали, что существует формула, выведенная Бернулли, по которой можно рассчитать выигрыш. «Знаете такого?» – можно было нередко услышать вопрос в разговоре фанатов игры «Спортлото». – «Нет, не знаю или не слышал», – был ответ. И это был правдивый ответ, потому что мало кто ведал о Якобе Бернулли. Знали что-то в лучшем случае из школьного курса о Гаусе или Декарте. «И я раньше не слышал, – признавались друг

¹ Бернулли Якоб (1655–1705) – основоположник теории вероятности.

другу всё те же фанаты и тут же заявляли: – Теперь, однако, следует серьёзное заняться числами».

Люди поумнее, слушая такие разговоры, недоверчиво качали головой и говорили с улыбкой: здесь какой-то подвох, ссылаются на книгу, которую даже не видели. А со стороны похоже всё это было на известную притчу. В ней священник по окончании службы объявил прихожанам: «В следующее воскресенье буду беседовать с вами на тему лжи. Чтобы вам было легче понять мою проповедь, прочитайте, пожалуйста, дома Евангелие от Луки, главу двадцать пятую, в которой апостол раскрывает суть лжи».

В наступившее воскресенье священник перед началом проповеди объявил:

– Кто прочитал двадцать пятую главу Евангелия от Луки, поднимите руки.

Почти все присутствующие подняли руки.

– Вот с вами сегодня и буду говорить о лжи, – сказал священник. – В Евангелии от Луки нет двадцать пятой главы.

Так и в трудах математика Бернулли нет того, что распространялось в слухах, но кому-то было нужно, чтобы доверчивый человек верил бредням, как ребенок верит сказкам.

Часть первая

1

Михаил Розенский, тридцати пяти лет, не женатый, не раз говоривший, что и не собирается жениться в ближайшее время, в один из последних дней лета 1985 года шел по аллее бульвара Мира города К. в районный отдел записи актов гражданского состояния, именуемый незамысловатой аббревиатурой – ЗАГС, чтобы подать заявление о регистрации брака с Анной Арумовой старше его на десять лет.

Кроны кленов, высаженных по обе стороны дорожки, уже начали пестреть красками приближающейся осени; их листья под тяжестью моросящего дождя и при полном безветрии висели неподвижно, с них медленно стекали капли влаги; и этот дождь, и унылое настроение в природе ложились невидимым грузом на и без того не праздничное состояние идущего в ЗАГС человека. Не беспокоило его небо, серое и низкое, от которого закрылся зонтом, его несколько смущало, что невеста старше; не так уж много – на десять лет, но всё же заметно со стороны, если учесть возрастной статус сочетающихся браком. И было ему не очень приятно, что многие на это обстоятельство станут намекать, удивляться Розенскому, зная, сколько невест его окружали и что выбор

будущей жены мог быть куда интереснее. Но не мог же он каждому сказать, что у него свой, особенный интерес в этом браке, что женится не по любви. «И что тут особенного? – рассуждал он. – Пускай себе думают. Это стало уже обыденным, когда не по любви замуж выходят не только женщины, но и мужчины женятся не по любви, а так же, как и многие женщины, чтобы устроить свою личную жизнь. Кто-то и вообще разводится с женой, бросает детей малых, женится на некрасивой, порой страшенькой, а всё ради карьеры, потому что папа у неё высокопоставленный. У такого брака есть и название – «жениться по-американски». По-американски, потому что принято считать, что в Америке всё, что ни делается, делается исключительно из выгоды и оценивается деньгами, как товар на рынке».

До ЗАГСа ещё нужно было купить цветы, потом зайти за самой невестой в парикмахерскую, где ей делали по такому случаю специальную причёску, и уж тогда вдвоём, к назначенному часу, прибыть в ЗАГС. У него до визита оставался целый час, и Розенский не торопился. «В конце концов, – рассуждал он, – это ещё не регистрация брака, с которым заканчивается прекрасная холостяцкая жизнь и потеря свободы; и потом, говорят же банальное, что «обещать – не значит жениться». Пока у них лишь заявка на женитьбу, которая может состояться, а может и нет, – никто не знает наперед, как всё сложится; пока же ему было край как нужно оставаться женихом, потому что сразу рухнут его задуманные планы, у

него для женитьбы был повод серьезный, очень нужна ему была Анна Арумова, её доверие и расположение».

Его мясистые, резко очерченные губы, будто татуированные, растянулись в подобие улыбки, придав немного света лицу смуглому и глазам тёмным, восточным, с таящейся в их глубине обманчивой грустью. Он остановился у стенда с надписью: «Пресса», где под стеклом, под ключ, чтобы не воровали, в сквере вывешивались газеты, как общесоюзные, республиканские, так и местные; закурил и стал разглядывать любимую им последнюю страницу с объявлениями в городской газете. Прочел о том, что и где давали в театрах и кино-театрах. Потом невольно скользнул по колонке с соболезнованиями, прочел и её и задумался: «Пишут о тех, кого уже не стало, но почему-то не поздравляют, например, кто зарегистрировал брак, создал новую, очень нужную и важную для общества ячейку-семью. Об этом как-то раньше не думал... Надо бы узнать у газетчиков: почему об этом не печатают? Впрочем, – тут же решил он, – зачем узнавать? И так все понятно. Первых уже не ждет ничего на этой земле, и на них, с последним упоминанием, можно поставить точку, забыть, пускай о них помнят близкие-родные. Со вторыми сложнее – никто не знает, будет ли счастлива вновь созданная ячейка общества, не разойдутся ли через месяц, и кто их знает, который раз они уже создавали такую ячейку?.. Поздравлять в таком случае – все равно что на кофейной гуще гадать... Может, они регистрируются, как я, вовсе не по любви, им

давно за тридцать или за сорок, а то и более, но изображают из себя впервые полюбивших, как Ромео и Джульетта?.. И вообще, какая к черту любовь, если составляются брачные договоры, если в порыве страсти обнимаются и милуются, но в уме продолжают держать, а сколько кто съел за завтраком бутербродов, почему одёжку себе купил подороже, а не дешевле, или зуб вставил не пластмассовый, а золотой?..»

Розенский, перечисляя всё, удивился своим же рассуждениям и тому, до чего, оказывается, глупо жениться. Ему стало нехорошо. Он выбросил дотлевший окурок, с жадностью, словно в последний раз, вдохнул острый и свежий воздух, настоящий на запахах мокрой листвы, но, помня, для чего у него поход в ЗАГС, сказал себе решительно, как могла бы сказать жившая в южном городе Бендеры его родная тётя Иска: «Идти-таки тебе, Миша, нужно!»

* * *

Служил он в городском управлении специалистом отдела культуры и спорта. Работа была ни тяжелой, ни сложной. Один из его знакомых и коллег Роберт Пивнев, работавший в отделе статистики, и вовсе как-то сказал, что язык не поворачивается назвать работой то, чем занят Розенский: не работа, а праздник. Основной обязанностью Розенского было присутствовать на разных городских соревнованиях, писать отчеты о них и заполнять бланки грамот участникам, а

потом вручать грамоты в торжественной обстановке. Но за такую работу и платили настолько мало, что он без стыда не мог произнести, когда нужно было, сколько получал. И бросить службу не мог, потому что по образованию он педагог физкультуры, ничего другого делать не умел, к тому же какая ни есть, а эта именно работа давала возможность общения с большим количеством самых разных людей, спортсменов в основном, но его имя было на слуху, его должность была заметной, и он порой не мог скрыть удовольствия, когда на соревнованиях и каких-то других мероприятиях громко произносили, что в зале присутствует инструктор по спорту и культуре городского управления Розенский Михаил Львович. Такое упоминание выделяло его среди людей, он в этот момент, как актеры или артисты, стоящие выше зрителей за счет подмостков, ощущал в себе такое же, как артисты, величие возвышающегося над толпой, и его тщеславие вполне удовлетворялось. Розенский искренне считал, что не этого ли ради живут себя уважающие люди, стремящиеся к славе и известности. Его личные достижения в спорте, правда, были достаточно скромными: он имел взрослый разряд по настольному теннису, но это было не так важно. И еще ему, конечно, нравились не столько соревнования, в организации которых он участвовал, как обстановка после них – это были всегда сытные и вкусные застолья, во время них можно было обзавестись новыми и нужными знакомыми, а иногда и познакомиться с кем-то, чтобы провести приятно время. На

одном из таких сборов физкультурников он и решил познакомиться с Анной Арумовой, которая возглавляла зональное управление «Спортлото». Была для этого у него особенная причина, и дело было в ней не как в женщине, а в другом.

Уже с год на него словно нашло наваждение – он регулярно играл в лотерею «Спортлото». Произошло это после того, как однажды ему кто-то дал карточку лотереи, он ее со смехом заполнил и, как положено, части «Б» и «В» опустил в специальный ящик, висевший у киоска «Союзпечать», а часть «А» оставил себе и почти забыл. Вспомнил о ней через несколько дней, когда смотрел воскресным утром телевизор. Разыгрывали лотерею, и он обнаружил, что угадал четыре числа из шести. За выигрыш получил девяносто рублей – его месячный оклад! Деньги тогда как с неба свалились и сильно выручили в его холостяцкой жизни и бражничанье с друзьями да подругами, когда за вечер мог спустить до половины зарплаты, а потом сидел на чае с сухарями. Он решил, что это и есть его шанс поправить материальное положение, ведь по материальному состоянию только и судили о человеке люди, его окружавшие. С того времени, лишь только начиналась неделя, как он с нетерпением ждал воскресное утро, чтобы включить телевизор и увидеть очередной розыгрыш лотереи «Спортлото». Розенский усаживался перед экраном, на столе раскладывал части «А» билетов с вариантами чисел, зачеркнутых не очень аккуратно, косым крестом. Всё, что происходило на экране, было для него как

праздник души. Он каждую неделю тщательно готовился к этому дню, убеждая себя, веря, что когда-то игра обязательно сделает его богатым, и каждую неделю ходил в киоск и покупал лотерейные билеты. Там всегда народу стояло больше, чем в соседний киоск за хлебом... Да, он был не одинок в желании расстаться с деньгами взамен на кусочек бумаги, называемый лотереей, чтобы осуществить свою мечту.

Не многие люди бывали в казино, чуть более людей бывали в других заведениях, где предлагались также азартные игры; но известно, что почти каждый человек хоть раз в жизни держал в руках лотерейный билет. Люди первые – они по большей части зависимые, больные, находящиеся в плену игорной страсти; люди вторые – нередко совершенно случайные обладатели цветной бумажки, защищенной водяными знаками, чтобы придать ей значимость, а владельцу карточки внушить важность и подчеркнуть серьезность предприятия, называемого лотереей. Те и другие (не следует обманываться) испытывают перед розыгрышем примерно одинаковое чувство волнения. У первых оно проявляется в особенном, даже не столько душевном, сколько в почти физическом, порочно-сладостном ощущении, как если бы удовлетворялись физиологические потребности. У вторых в предвкушении возможности вполне законно обогатиться и получить некую компенсацию от судьбы, потому что на работе, как правило, недоплачивают за труд. И разве можно было осуждать простого инструктора отдела спорта и культуры с

его мизерной зарплатой за то, что и он хотел получить от судьбы большего. Нет, конечно.

Но как только Розенский не изощрялся, как только не мучился дни и ночи, думая перед очередным тиражом, какие зачеркнуть заветные числа от «5 до 36» в одних билетах или от «6 до 49» в билетах другого вида. Когда не имелось вариантов для придумывания чисел, он с закрытыми глазами тыкал карандашом наугад в поле карточки и потом на месте точки, оставленной графитовым стержнем, чертил чернилами крестик на цифре, в которую попадал. В другом случае он мог на ночь загадывать сны, чтобы приснились либо сами числа, либо количество каких-то предметов, потом складывал, умножал и делил всё, что приснилось, выискивая искомое, как ему казалось, число. Мог он записывать в специально заведенную книжечку комбинации каких-нибудь чисел, которые видел на номерных знаках автомобилей, на автобусных билетах, телефонные номера, — все они, как ему казалось, могли стать счастливыми, если их использовать при заполнении карточек «Спортлото».

Вариантов поиска чисел не было конца, и со временем превратилось у него это занятие в состояние, пограничное с навязчивой идеей. Но сам он не считал вовсе нелепым желание получить крупный выигрыш. Розенский постоянно возвращался мыслями к тому дню, когда зачеркнул счастливые цифры, вспоминая, как все было, веря в то, что всё повторится. Желание выиграть его до такой степени увлекло, что

он даже стал меньше за собой следить, стал менее опрятным в одежде и быту. Но не придавал этому значения, считая всего главное в человеке ум. В подтверждение своих слов всегда оглядывался на висевший у него в квартире известный фотографический портрет Эйнштейна, на котором знаменитый физик выглядит для несведущих то ли как больной аутизмом с чертами идиота, то ли паяц или шут, для которого чем смешнее, тем лучше. Так и Розенский в свои тридцать пять, когда прожита почти половина жизни, если исходить из ее наибольшей продолжительности, имевший смолянистую шевелюру, уже подёрнутую первой паутиной седины, со здоровьем, потихоньку тоже начинавшим давать трещины, – продолжал считать себя исключительно умным, хотя и не наделенным никакими талантами, что позволяли бы считать выше людей окружавших, но незаслуженно судьбой обделенных материальным достатком.

Проходила неделя за неделей, а выиграть не получалось. Иной раз очередную неудачу он переносил стойко, убеждая себя в том, что это временно, он дожждётся своего часа. Но всё чаще срывался в неукротимой злобе: рвал часть «А» лотерейных билетов, защищенных почти как денежные купюры водяными знаками, особыми красками, но превращавшихся после тиража в одно мгновение в обычную макулатуру. Это было трудно переживать, тем более что он тратил немалые деньги на покупку лотерейных билетов. Но был он бессилён перед кем-то умным и хитрым, кто организовывал игру так

же, как это делают, стоя за спиной игроков, крупье-соглядатаи в казино, в задачу которых входит, чтобы пришедшие в их заведение оставляли на игорном столе, а не уносили с собой денежные купюры. В лотерее «Спортлото» внешне всё выглядело исключительно пристойно. Никто не стоял за спиной и не следил, никто ничего не навязывал и не предлагал, а только казалось Розенскому порой, что он очень похож на доверчивых и наивных богомольных людишек, которым внушили прохиндеи в рясах, что за оставленные в церкви деньги и золотые изделия будет им ниспослано здоровье и счастье-удача в довесок к жизни нынешней, а тем более рай в загробной.

Сидя однажды в исполкомовском буфете во время обеда с Робертом Пивневым, имевшим диплом физтеха, Розенский как бы ненароком поинтересовался у него: не играет ли он в «Спортлото» и что думает по поводу возможности угадать шесть чисел, чтобы получить большой приз.

– И думать нечего! – сказал, как отрезал, Пивнев. – Название говорит само за себя: ло-те-рея!

Он произнёс слово с такой гримасой на лице, язвительной улыбкой и голосом противно-тягучим, будто на зубах прилипла жевательная резинка, что Розенский пожалел, что задал вопрос, и молча стал допивать свой компот из сухофруктов, а потом выуживать ложечкой на дне стакана разбухшие кисло-сладкие изюминки.

– Хочешь сказать, что сыграл и даже выиграл? – спросил

Пивнев.

– Сыграл и даже выиграл, – ответил Розенский, подняв на коллегу глаза, полные горького отчаяния, но и тайного желания послушать мнение постороннего. Пивнев слыл в их учреждении человеком незаурядным.

– Повезло! Дело случая! – снова подвёл черту их разговору Пивнев и, махнув безнадёжно рукой, сказал: – Больше не повезёт. Да и угадал-то небось тройку чисел.

– Не три, а четыре. И почему же больше не выиграю?

– Я и говорю, что повезло. Редко, но действительно угадывают раз-два-три числа. Тебе повезло, что угадал четыре. А не выиграешь больше потому, что комбинация из больших чисел есть именно везение, которое может быть раз в жизни, а может не быть никогда. Видишь ли, Михаил, это лотерея, рассчитана она на человеческий извечный порок разжиться дармовщиной, на страсть наживы и глупость. Люди угадывают одно-два-три числа, за которые им выплачивают копейки. Но это как затравка-приманка для дураков, которые начинают верить, что выиграют обязательно свой большой приз, как выигрывают, например, в карточном винте «Большой шлем»; вот люди и покупают, покупают лотерейные билеты, отдавая за них кровные, а взамен получая бумажки, изготовление которых для организаторов стоит столько же, сколько фантики-обертки для производителей конфет. Повторю для тебя банальное утверждение о том, что только человеческий ум, а не какая-то сверху или снизу таинственная

сила, способен вдохнуть идею или объяснить любое явление или предмет этого мира. Все кругом слепо из легенд, создаваемых для легковверных. Для большинства людей правда жизни имеет совсем малое значение; они всё представляют себе сквозь призму собственных предрассудков, интересов и страстей. «Спортлото» – это такая же легенда. В этом смысле нынешний человек мало чем отличается от человека, жившего в античные, скажем, времена, за исключением, оговорюсь, великих научных школ Греции, которые имели понятие о естественном порядке течения жизни и законах природы; другие люди и народы признавали только чудеса. Лучший пример – Иудея того же времени. Если греки додумывались до чего-то значимого, их труды используются современной наукой и медициной, то в Иудее не было таких школ, поэтому там более всего рождалась одна только религиозная чепуха. И как это происходило в древности, так и современные мошенники создали миф вокруг «Спортлото», в него верят доверчивые глупцы. Если бы всё было так просто, то и устраивать лотерею не было бы организаторам никакого смысла, потому что все бы выигрывали. А весь смысл в том и заключается, что миллионы людей несут деньги, а вероятность попасть в комбинацию из шести чисел у каждого желающего не больше, чем слетать на Марс и вернуться обратно. Оговорюсь, однако, на Марс когда-нибудь еще можно будет слетать и вернуться благополучно на Землю, но играть и думать, что выиграешь большой приз, – вероят-

ность этого равна всегда нулю. Говорю тебе как математик. Те, кто устраивает лотерею, я сильно подозреваю, не дружат с высшей математикой, потому что по большей части все они юристы или экономисты, но абсолютно точно уверен, что эти юристы-экономисты получили соответствующие консультации от знающих специалистов, как я тебе сейчас её даю. Такая же история происходит не только с твоим «Спортлото», но и с обычными, разовыми лотереями, которых печатают миллионы экземпляров. Покупает человек, скажем, такую лотерею за рубль, раскрывает, а там стоит: «Ваш выигрыш на ещё одну такую же лотерею или рубль». Человек может взять назад свой выигрыш в рубль, но никогда не возьмёт, он возьмёт обязательно другой лотерейный билет, думая, что теперь непременно будет что-то более существенное, не допуская и в мыслях, что в этих лотерейных билетах практически не бывает ничего существенного, за редким исключением, опять же для заманивая легковерного человека. Да и как он может не верить лотерее, которую «благословило» само государство, а реклама вторит, что «каждый второй лотерейный билет – с выигрышем!». Но его ждёт разочарование, которое испытала куча народу. В следующем лотерейном билете будет строчка: «Без выигрыша». И уходит человек не солоно хлебавши. А рубль-то свой настоящий в результате оставил в обмен на пару ничего не стоящих фантиков-бумажек! Но, чёрт возьми, человека всё одно не покидает чувство, что может выиграть. Я и сам его не раз испытывал, но до поры. Это

чувство подогревается постоянно упомянутой рекламой про какого-нибудь дядю или тетю, выигравших тысячи рублей. Их даже покажут по телевизору, который гипнотически действует на легковверных. Но невдомёк всё тому же человеку, что этих дядю или тётю сыграли какие-нибудь актёры с измененной внешностью, чтобы ненароком не узнали соседи по дому.

Розенский слушал Пивнева с интересом и не верил ему, потому что перед тем, как затеять этот разговор с ним, почитал рекламные буклеты, продаваемые в киоске «Спортлото», и искренне уверовал в то, что выиграть можно. Об этом по крайней мере было написано в одном из таких рекламных журнальчиков со ссылкой на некую теорию Бернулли. Суть заключалась в том, что с увеличением числа попыток играть (их называли испытания) частота или возможность наступления выигрыша (нужного события) стремится к такой его вероятности, что он перестаёт быть событием случайным, наступает событие закономерное – выигрыш. Приводился и какой-то расчёт-формула, в которой Розенский ничего не понимал. Розенский привёл свой аргумент коллеге-пессимисту.

Пивнев посмотрел на Розенского удивленно:

– Откуда ты этого набрался?

Розенский в ответ взглянул на Пивнева, как на побеждённого, и сказал, где почерпнул свои знания по предмету разговора.

– Так и знал, – рассмеялся Пивнев. – Я ведь уже упомянул про рекламу-буклет. Он такая же ловушка для всё тех же, извини, наивных и, не обижайся, малограмотных. Расчет прост – это слепая вера людей в печатное слово, которое используется как внушение. Любой же, что-то смыслящий или знакомый с математикой и теорией Якоба Бернулли, прочитав твой буклет, поймёт, что это самый обычный обман, рассчитанный на невежд. Извини, не хочу тебя обидеть. По-хорошему, на сочинителя такого рекламного проспекта следовало бы возбудить уголовное дело за мошенничество. Не возбуждают, разумеется, как не возбуждают за записки, адресованные Богу, оплачиваемые деньгами, что подают верующие.

Пивнев стал разъяснять Розенскому суть теории Бернулли. Сказал, что система Бернулли – это когда производятся однотипные независимые опыты (испытания), количество которых неограниченно, в каждом из которых может появиться интересующее событие; система даёт возможность определить вероятность того, что при проведении какого-то количества испытаний, появится интересующее событие. Важнейшее условие, без которого схема Бернулли теряет смысл, – это наличие в расчете постоянной величины или величин. То есть вероятность наступления события по формуле Бернулли зависит от того, какие есть постоянные условия для его возникновения. Система Бернулли имеет практическое, прикладное значение, по ней можно рассчитать степень вероятности брака выпускаемых изделий на ка-

ком-то производстве, где в основу расчета обязательно берут исходные данные, как квалификация персонала, качество сырья, оборудование и прочее. Так, например, определяется, что при одинаковых, казалось бы, условиях работы конвейерного цикла на тысячу совершенно одинаковых автомобилей какой-то один или два менее качественный ломается чаще. В игре же возможность выигрыша в каждом испытании величина не только не постоянная, а случайная, поэтому и вероятность наступления каких-то событий, связанных с выигрышем, а тем более систематических выигрышей, равна нулю; ссылки на систему Бернулли для расчета в азартных играх, не более чем красивая фраза для неучей.

– Ты, Михаил, – подвел черту их разговору Пивнев, – прав отчасти, рассуждая, что если не будешь играть, то никогда не выиграешь. Это действительно так. Но я тебе приведу и обратное суждение: ты можешь играть всю жизнь и тоже никогда не выиграть, потратив из-за своей страсти кучу денег, потому как – да пойми же ты! – степень вероятности выигрыша сводится именно к случаю или нулю. Я много думал о том, что нам, людям, вроде как дано руководить своей жизнью. Приводится мысль о свободе воли человека, способного самому управлять судьбой. Но это очень глубокое заблуждение и доказывается жизнью. Ты можешь употребить все свои силы, способности, разум, чтобы предостеречь себя от какой-то опасности, но, что бы ты ни делал, может произойти нечто от тебя совершенно независящее, и ты станешь жерт-

вой случая в самой непредсказуемой ситуации. Ты можешь всю жизнь не летать на самолете, чтобы так обезопасить себя от аварии, ты можешь никогда не ездить на автомобилях, чтобы не стать жертвой автомобильных аварий, и так далее. Но однажды ты можешь просто споткнуться на ровном месте, либо тебе на голову упадет сосулька, и ты погибнешь совсем не героической смертью. Вся жизнь наша – это как лотерея; и один кто-то всю свою жизнь благодаря монотонному, скрупулезному труду и благоразумию трудится, чтобы сколотить какое-то состояние, но приходит вор или происходит пожар, и ничего не остается; другой – трутень, но волею случая выигрывает в ту же лотерею и становится богатым. В этом и суть случая. Мистики всё объясняют просто – волей Божьей.

Они расстались. Всё, что услышал Розенский от своего товарища, было для него сложно. Разумом он понимал, что, видимо, как сказал Пивнев, так и происходит, в том числе в лотерее, но очень хотелось думать обратное, что у Бернулли что-то не так, как объяснил Пивнев, и что он обязательно выиграет Большой приз, следует только получше разобраться в системе Бернулли.

После их разговора прошло немало времени. Ничего не изменилось, Розенский продолжал тратить деньги на лотерейные билеты, мучился и страдал, но всё складывалось именно так, как сказал Пивнев, – ничего не выигрывал, а до консультаций по математике с кем-нибудь еще, кроме Пив-

нева, он так и не дошел. Какой же было неожиданностью для Розенского, когда на одном из спортивных мероприятий он вдруг узнал, что присутствовавшая на них дама – бывшая совсем не в его вкусе, хотя и миловидная на лицо, но с короткой шеей и какая-то приземистая, отчего походку имела утиную, а главное, возраста неопределённого, его явно старше, судя по сильной седине не подкрашенных корешков волос, – была директором регионального управления «Спортлото». Он обратил внимание, что приехала и уехала она не на городском транспорте, как большинство, а на личном автомобиле, и это тоже вызывало у Розенского невольный интерес и уважение к ней, как человеку состоятельному и состоявшемуся, на фоне чего даже видимые недостатки казались не такими уж недостатками. Глядя на неё, он думал о том, что она, конечно, имеет жизненный опыт, мудрость и, наверное, не должна быть глупой, как большинство молоденьких женщин, с которыми он имел связь. Терпеть среди них он особенно не мог тех, кто постоянно напоминал, что она женщина, ей свойственны слабость и капризы, он их должен исполнять. Выяснив, что директор «Спортлото» Арумова к тому же незамужняя, Розенский уже не сомневался, что обязательно с ней должен сблизиться, чтобы узнать хотя бы какие-то премудрости, – он был уверен, что они существуют, – в игре «Спортлото», о которых не знает, но Арумова не может не знать; а как только они ближе сойдутся, то она поделится с ним.

В ближайшее время намечались торжества по случаю дня города – праздника всеми любимого, а особенно городскими чиновниками, как повода для того, чтобы получать подарки, премии и грамоты за достижения в развитии города; и они искренне радовались и гордились этими наградами, злясь и искренне не понимая разных критиков из простых граждан или оппозиционных журналистов, которые говорили и писали, что никакие это не достижения, не нужно хвалиться тем, за что получают зарплату и что входит в их прямые обязанности. Розенский на этот счёт любил приводить слышанное где-то высказывание, что «мнение сапожников может быть не выше ими изготавливаемых сапог», поэтому он и его сослуживцы, наделённые какими ни есть полномочиями, сами решали, решают и будут решать: как и кого выделить и наградить. В список городских лиц, которых по его ведомству надо было отметить, он включил Арумову. Когда его начальник спросил: почему в списке Арумова и как он объяснит председателю исполкома обоснование награждения? – Розенский словно ждал этого вопроса, в его взгляде уже не было восточно-оленей грусти, они были нагловатые, выпученные, и он чётко, как на докладе, ответил:

– Она же директор «Спортлото»! И потом её никогда, я наводил справки, не отмечали.

Начальнику такая аргументация показалась убедительной, потому что для получения грамоты от его ведомства требовалась хоть какая-то причастность к спорту, а в назва-

нии «Спортлото» было упоминание слова «спорт».

В первое воскресенье августа праздновался День города. В пятницу было назначено по этому поводу торжественное собрание, куда приглашались все награжденные. Розенский, обзванивая по телефону тех, кто был в списке награждаемых, позвонил и Арумовой. «Здравствуйте, Анна Андреевна, – обратился он по-деловому, но тон был мягкий, располагающий. – Беспокоит Михаил Розенский из отдела культуры и спорта горисполкома». – «Да, да, Михаил Львович. Вас слушаю», – ответила она вежливо, но в голосе чувствовалась настороженность, как при встрече с незнакомым человеком. Розенский её понимал, потому что она с ним говорила первый раз, да еще по телефону; но удивился, что Арумова поняла, кто звонит, и назвала его по имени-отчеству, как если бы знала давно. Было это особенно приятно Розенскому, как чиновнику, а Розенскому, как ловеласу, приятно вдвойне, потому как лишний раз не надо было изощряться в славословии, для того чтобы расположить к себе человека. Он голосом, совсем дружелюбным, продолжил: «У меня для вас хорошее известие...» – И стал рассказывать. Наступила секундная пауза. Розенский сообразил, что она поражена услышанным и, видимо, озадачилась. Тогда он, не дожидаясь ответа, задал Арумовой вопрос: «Удивительное дело, вы меня сразу назвали по имени-отчеству, как если бы раньше знали?» – «Ах, Михаил Львович, к сожалению, мы действительно не общались... Но как не знать городское ру-

ководство!.. Огромное спасибо за оценку моей работы. Всё так неожиданно, что, честно говоря, меня сильно взволновало ваше известие, сразу и не сообразила, что сказать...» Её слова звучали и как некий комплимент, и слышалось в них желание и дальше продолжить разговор, но не слишком официальный. Ему следовало немедленно ответить, но так, чтобы возникла некоторая интрига. И Розенский сказал: «Выходит, надо чаще общаться, и не только по телефону». – «Вы правы, Михаил Львович, общение между людьми – теперь самый большой дефицит современной жизни. Нужно встречаться и общаться», – в голосе Арумовой исчезла прежняя настороженность, появились приятные бархатные нотки. Розенский, довольно улыбаясь, ответил своим, с хрипотцой, голосом уверенного в себе человека: «В таком случае, Анна Андреевна, до скорой встречи на торжественном собрании».

Они увиделись через день. Розенский, сидя в партере местного театра, где всегда проходили торжественные городские собрания, видел, как Арумова прошла на сцену. И он подумал, что было бы правильнее считать, что не ей сделали одолжение, пригласив на торжественное собрание, а это она снизошла ко здесь присутствовавшим, потому что выглядела великолепно, не как все. На ней было праздничное удлиненное темно-синее приталенное платье со стоячим воротом, расшитым серебряными нитками, который словно специально скрывал полную и короткую шею. В богатом платье, с причёской взбито-воздушных, как облако дыма, сизо-пе-

пельных волос, она казалась королевой, зашедшей сюда мимоходом навестить подопечных, растекшихся серой и безликой массой по залу. Все это не только Розенский заметил. Ропот восхищения одних и зависти других прокатился легкой волной, и он тихо ругнул себя, что недооценивал эту женщину, которая, похоже, умела себя, если нужно, выгодно показать и представить лет на десять моложе, а не быть незаметной, скучной начальницей своей организации. И Розенскому вдруг она понравилась как женщина. Но, зная, что ему прежде всего нужна директор «Спортлото», он обрадовался, что необходимость ухаживания и обольщения теперь может быть гораздо приятнее, чем он до сих пор думал. И в этом платье, подчеркивавшем её фигуру, с воротником, скрадывавшим короткую шею, она ему уже не казалась приземистой, как раньше, наоборот, была стройной и изящной. Когда Арумова в туфлях на высоком каблуке спускалась осторожно со сцены по ступенькам, Розенский проявил ещё большую изобретательность: только ей из всей очереди спускавшихся в зал со сцены вдруг была подана рука. Он крепко, но нежно взял её ладонь и помог сойти вниз. Арумова от такого внимания зарделась, сказала чуть слышно: «спасибо», услышанное только им. В ответ он незаметно и вежливо кивнул и также тихо и несколько таинственно шепнул: «Я же обещал, что встретимся».

Потом был небольшой фуршет с выставленными в фойе театра столами, на которых было шампанское, фрукты и чай-

кофе со сладостями. Арумова через некоторое время сама подошла к Розенскому. Лицо у неё было счастливое и довольное, как у человека, знающего себе цену, в жизни чего-то достигшего, уверенного, считающего, что «прочно стоит на ногах».

– Ах, Михаил Львович! – В её слегка прищуренных синих глазах, вокруг которых собрались лучики морщин возраста, была какая-то недосказанность. – Спасибо вам ещё раз за внимание ко мне. За награду!

– Ну, что вы! Я тут совсем ни при чем. А награда – она, все знают, сама находит своих героев.

– Михаил Львович, – Арунова посмотрела на него хитро, исподлобья, – вы скромничаете. Я только что подходила поблагодарить ваше руководство, но мне сказали, что всё не без вашего участия. Чем я заслужила такое внимание, может быть, это работа мною руководимой организации?

– В том числе! – сказал Розенский. – Кстати, я являюсь постоянным участником замечательной игры «Спортлото». Конечно, это ваши заслуги руководителя. Но, не побоюсь сказать, вы очень симпатичный человек и красивая женщина.

Розенский стоял перед ней, склонив курчавую голову, опустив в пол лукавый взгляд, чтобы нечаянно себя не выдать, чтобы скрыть взыгравшее в нём чувство удовлетворения от того, что всё у него идет по его плану – знакомство состоялось.

– Как приятно! – Арумова была польщена. Она так глу-

боко вздохнула, что под тонкой тканью платья обозначились очертания поднявшихся, острых по-девичьи, грудей. — Я давно не слышала таких слов... — Она быстро перевела дыхание, взяв себя в руки. — А вы, Михаил Львович, должно быть, очень увлекающийся человек, раз участвуете в нашей игре.

— Признаюсь. Это действительно увлекает и затягивает, хотя похвастаться, к сожалению, нечем.

— Понимаю. Сама была такой. Но вы не сожалеете — это пройдёт. Кстати, я сейчас подумала о том, почему вас ни разу не приглашали для участия в работе общественной наблюдательной комиссии, которая присутствует при обработке поступивших от населения частей билетов, следит за этим до получения выигрышей. Вы бы согласились?

— Даже не знаю. Но, возможно, было бы интересно, как все новое.

— Я обязательно решу этот вопрос. Дело в том, что мы время от времени обновляем списки членов комиссии, приглашаем достойных и уважаемых людей города, знаете, что-то вроде народных заседателей в судах. Вас и включают в комиссию.

Слово за слово, непринужденно разговаривая, они не заметили, как подошла к окончанию и вторая, неофициальная часть собрания по поводу Дня города. Народ стал расходиться. Розенский и Арумова тоже направились к выходу. У подъезда театра они, как уже хорошо знакомые, распрощались, пожелав друг другу хорошего вечера. Арумова, озор-

но блеснув глазами, от удавшегося ли дня и полученной награды, или ощутив к себе внимание несколько большее, чем просто к коллеге, со стороны Розенского, неспешно и красиво, мелкими шажками на высоких шпильках, пошла в сторону площадки с автомашинами, придерживая левой рукой сумку с грамотой и букетом, правой доставая из сумки ключи от автомобиля.

Розенский секунду смотрел ей вслед с сожалением и даже разочарованием, как рыбак, упустивший большую рыбу, – было с его стороны непростительно пускать на самотёк развитие отношений с Арумовой. Он увидел стоявших чуть в стороне нескольких старушек, предприимчиво расположившихся подле подъезда театра с выставленными на картонных коробках на продажу букетами цветов с садовых участков. Он подскочил к одной из них, схватил букет, сказав на ходу: «Извините, я мигом вернусь и заплачу», бросился догонять Арумову. Она уже садилась в автомобиль, когда он подбежал сзади и протянул ей букет, составленный просто, но с большим вкусом из садовой ромашки и веточек розовой и синей лаванды.

– Это от меня!

– Какое чудо! – сказала Арумова, выйдя из машины. Она осторожно взяла букетик и поднесла его к лицу, ощутив острую свежесть зелени только что срезанных стеблей ромашек и горьковато-пряный запах лаванды. – Как мило!.. Но за что?..

Розенский, имевший некоторый опыт завоевания женских сердец, на её вопрос сразу не нашелся что ответить.

– Хотите сказать, что просто так, без повода? – загадочно улыбнулась Арумова. – Ах, до чего приятно получать цветы просто так, без повода!

– Да, просто так, но... Не хотелось так скоро расставаться, с вами было очень интересно общаться! – Розенский запнулся, сам испугавшись слов, которые были на уме, но уже сорвались с языка.

– Спасибо! – сказала Арумова. – Я тоже рада была с вами, Михаил Львович, познакомиться ближе.

– А можно у вас спросить?..

– Конечно! – сказала Арумова, стараясь быть как можно приветливей, одновременно сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, потому что знала, что Розенский у неё сейчас спросит самое банальное, слышанное ею не раз: что она делает вечером или завтра? Но она и боялась спугнуть его нечаянно-обидным словом, взять неправильный тон, чтобы у него не сложилось мнение, что с ним говорят, как с младшим по возрасту, из-за чего он мог стушеваться, а она все испортить.

Но Розенский сказал:

– Завтра День города. Если у вас нет каких-то планов, может быть, мы увидимся на празднике?

– У меня на завтра планировалось именно побывать в парке на празднике Дня города, – она протянула Розенскому руку. На ее лице светилась улыбка благодарности: – С удоволь-

ствием приду!

Было заметно, что она, много видевшая в жизни, готовая к разным превратностям судьбы, тоже немного растерялась, явно не ожидая такого внимания. Разведясь с третьим по счету мужем, но от этого совсем не страдавшая, она, как зрелая женщина, не испытывала недостатка в ухажерах, которые, по какому-то странному стечению обстоятельств, были либо вдовцами, либо тоже разведенными, но все, как один, много её старше, каждый со своими особенностями и привычками, которые, как она ни старалась, не только не могла изменить в них, но понять и принять. Поэтому с каким-то чувством надежды и даже благодарности судьбе приняла внимание этого молодого мужчины, вдруг увидев в нем возможного спутника жизни, в которой не могла терпеть одиночества и в силу своего характера, и привыкшая всегда быть с людьми. Она давно стала понимать, что мужчину и женщину в совместной жизни связывает не столько любовь, сколько самые разные обстоятельства. Поэтому, видимо, словно созданные друг для друга мужчина и женщина, не живут вместе, а те, которые совершенно разные, даже равнодушные друг к другу, сходятся и живут вместе и долго. В «Спортлото» директором её назначили сравнительно недавно — два года назад, а до этого она была в торговле, считала, что хорошо разбирается в людях. Опыт ей теперь подсказывал, что со стороны Розенского была, без сомнения, попытка ближе с нею познакомиться. Полный сил молодой

человек, которому она могла бы приходиться старшей сестрой, казался ей несколько неуверенным, но эти незрелость и наивность и подкупали; было очень приятно и романтично, как ей казалось, его неумелое внимание. «Как знать, – думала она, – может быть, на этот раз больше повезет, будет у меня достойный спутник в жизни!»

Остаток вечера Розенский провел в сильной озабоченности. Несмотря на то что жизнь в 80-х годах прошлого века была скудно-однообразная, но в большом областном центре, в котором жил Розенский, хватало мест, где открыто и скрытно предлагались соблазны и развлечения на любой вкус, кошелек и темперамент. Розенский, причислявший себя к некой элите города, будучи завсегдатаем таких мест, с некоторого времени для знавших его друзей пропал, словно потерял интерес к жизни, стал скрытным, малообщительным, как будто переродился из веселого и беззаботного человека в нелюдимого. Трудно было поверить, что он потерял вдруг вкус к красивой жизни. И он продолжал страдать из-за отсутствия ресторанов, походов в театры и шумных пикников, от чего невозможно никак отказаться, однажды привыкнув. Но мог ли он объяснять каждому приятелю или приятельнице, что причина была слишком проста – не было денег. Было ему над чем задуматься, и когда собрался на встречу с Арумовой. Ведь для утех на празднике города, а возможно, на обед в ресторане были нужны деньги, которых у него не было, и занять было тоже не у кого, потому что всем, у ко-

го брал деньги, был должен; деньги не отдавал, тянул сколько было можно, а многие уже и переставали напоминать о долге, слишком поздно начиная понимать, что он не вернёт, и ругали себя за доверчивость и зарекались связываться с ним. Оставался, правда, один человек, у кого Розенский не занимал, и не потому, что не хотел у него занимать, а потому что знал, что тот ему никогда не займет денег, – это был его старший брат Валерий.

В семье Розенских существовало строгое правило: не брать друг у друга деньги. Кто и когда его установил – они не знали, но правило это передавалось от отца к сыну. Согласно этому правилу, у чужих занимать было можно, потому что иногда можно было и не отдавать; самое плохое, что после этого могло случиться – это должник и кредитор ссорятся, становятся злейшими врагами, потому как ничто на свете не делает ненавистными другу к другу людей, как неразрешенный денежный вопрос. Именно по этой причине у Розенских было установлено жесткое правило, что между родными недопустимо занимать деньги, чтобы потом не рассориться навсегда, а еще и потому, что это всё равно что переложить из одного кармана в другой; подарить – другое дело, но занимать – ни за что! Их старый родитель Лев Семёнович, умирая, строжайше запретил сыновьям занимать друг у друга деньги как страшный грех, за который им не видать рая. Запретил даже обращаться с подобной просьбой, потому что отказ (всякие могут быть обстоятельства, например, ну, дей-

ствительно, нет денег, чтобы занять) может быть воспринят с обидой тем, кто просит. Розенский, поначалу всегда прислушивающийся к словам старших, со временем стал их воспринимать с некоторой иронией, как пережиток дремучего невежества, считал это правило неприменимым к современной жизни, которая давным-давно установила свои порядки в отношениях между родственниками и неродственниками. Но всё же, по какому-то врожденному чувству страха или следуя уважению к установлению родителя, не смел до сих пор нарушать. Теперь он невольно вспомнил брата Валерия, который, в противоположность ему, всегда был положительным. Он и работал диктором местного радио, которое вещало его устами тоже только обо всем правильном и нравоучительно-поучительном, и состоял, как тогда было обязательным для такой должности, в коммунистической партии, скрывая в то же время тщательно, – Михаил знал о его тайном увлечении, – что почитывает книгу «Мишна» (Талмуд), доставшуюся от родителя. Её объём числом 5894 страницы – собрание наивных историй и верований, смеси предрассудков и несуразностей, вроде такой, например, будет ли детенышем овцы сосущий её поросенок? – одолевал по две страницы в день уже не первый год больше из любопытства, но находя в ней и действительно мудрые вещи, поэтому к ортодоксу вероучения его можно было отнести с большой натяжкой, однако чтение увлекало, и невольно он все больше и больше подпадал под влияние содержания книги. Михаил-

ду Розенскому было трудно с ним спорить, оставалась только надежда, что никто из их знакомых не узнает о странном увлечении Валерия.

Но теперь раздумывать было некогда. Розенский поднял телефонную трубку и набрал номер брата. Тот выслушал, не перебивая, и сказал, что очень удивлён его просьбой, потому что ничего до сих пор подобного между ними не происходило; из сказанного может сделать вывод, что брата с такой просьбой вынуждают обращаться какие-то исключительные причины-обстоятельства. «Я у тебя, Миша, не спрашиваю, что за проблема, – сказал Валерий, – но раз говоришь, что эта проблема тобою решается и для этого надо не так и много денег, как говоришь, двадцать рублей, хотя замечу, что двадцать рублей составляют ровно половину моего аванса, и это не такая маленькая сумма, но не буду нарушать наказ нашего папы никогда не давать займы родным, поэтому просто подарю тебе двадцать рублей. В связи с этим я вспоминаю историю, имевшую место в бытность нашего папы. У него был, как ты знаешь, брат Рувим, и были тогда трудные времена. Так вот, ему наш папа подарил целую пачку чаю, что для того времени был очень серьёзный жест, – чай почти на вес золота, потому что деньги не имели никакого веса. Но по прошествии какого-то времени Рувим вернул нашему папе пачку чаю... Вот видишь, был такой случай, и как строго соблюдались обязательства!» – «Да, да, в точности не помню о таком случае между папой и дядей Рувимом, но, ка-

жется, мне кто-то говорил об этом», – сказал Михаил Розенский, слушая наставительную и длинную речь старшего брата и покручивая в это время с нетерпением, ожидая, когда же тот закончит поучать, пуговицу на пиджаке. «Миша, ты тогда был еще мал и мог не знать об этой истории... Однако мне интересно: от кого же ты мог слышать о ней? Я, мне кажется, не рассказывал тебе об этой семейной истории. А это была очень поучительная история... До сих пор помню, как папа передавал из рук в руки пачку чаю. Он ее передавал так, как будто это была хрустальная ваза, которую если уронишь, то уже никогда не восстановишь... Так было именно с пачкой чаю... Я даже запомнил, какие на той пачке были нарисованы слоники; их было три, а чай был не простой, а индийский – вещь по тому времени, скажу тебе, совершенно невероятная, расстаться с которой папе, я так думаю, было очень нелегко...»

Розенский продолжал вертеть пуговицу, думая о том, что и его брату также нелегко расстаться с двадцатью рублями, и не заметил, как перекрутил нитки и пуговица отвалилась. Он от злости чертыхнулся и в ответ услышал: «Миша, ты, пожалуйста, разговаривай со мною в трубку, не отвлекайся, потому как я не расслышал, что ты сказал». Терпение Михаила Розенского было на исходе, и он уже хотел отказаться от затеянной просьбы с деньгами, как в трубке была произнесена фраза, из-за которой и продолжался их долгий диалог: «Быть может, когда-то так случится, что и ты мне то-

же подаришь двадцать рублей, как подарил дядя Рувим нашему папе». От радости Розенский чуть не уронил телефон и почти крикнул: «Да, Валера! Мой дорогой старший брат, я обязательно подарю тебе двадцать рублей и еще что-то от себя лично... Кажется, я вспомнил, кто мне рассказал историю о той пачке чаю... Я её слышал от нашей тетушки Иски, которая живет в Бендерах!» — «Как замечательно! — почти пропел на другом конце провода Розенский-старший. — Раз ты это вспомнил, то, думаю, не забудешь наш теперешний разговор о двадцати рублях, которые я тебе готов подарить, а ты потом мне их подаришь назад... Так и быть, приезжай за двадцатью рублями... Но не сейчас, утром... Вечером дарить деньги не принято. Да и мои все уже легли спать...»

Едва дождавшись утра, Розенский поспешил к брату и скоро уже стоял на пороге его квартиры. Они поздоровались. Была суббота, Валерий, судя по внешнему виду, давно был на ногах, но пройти в квартиру не пригласил, а, испытующе-вопросительно глядя на него, сказал:

— Так рано? Я думал, будешь попозже. Если бы пришел попозже, мы могли вместе позавтракать, но завтрак еще не готов... Однако сегодня суббота — нельзя ничем заниматься, в особенности важными делами, а давать деньги — это очень серьезное, требующее внимательности дело. Я вчера совсем забыл, обещая тебе подарить деньги сегодня, что будет суббота, когда ничего нельзя делать. Лучше бы обещал тебе подарить двадцать рублей в воскресенье. Теперь даже

не знаю, какой грех сильнее: подарить двадцать рублей сегодня, в субботу, или, дав обещание, его не выполнить перед родным человеком... – Валерий задумался.

Михаил даже догадался, о чем он думает, вспомнив, как однажды брат с ним делился из прочитанного в «Мишне» о правилах субботы. Тогда речь шла о том, – рассуждали толкователи «Мишны», – можно ли в субботу, например, давить вшей? Одни считали – нельзя, поскольку вообще ничего нельзя делать руками, более того – это убийство живой твари, созданной Богом. Другие считали, что можно, потому что это касалось личной гигиены, а в личной гигиене человек вынужден кое-что делать именно руками, например мыть задницу. Брат, видимо, вспоминал наставления о субботе и мучился, как поступить. К счастью, вернулся к реальности и вдруг сказал:

– Миша, ты же знаешь, какие вкусные может приготовить на завтрак блинчики с творогом моя Женя. А она обещала приготовить блинчики с творогом. Давно не готовила блинчики с творогом, и сегодня я жду такой завтрак. – Он снова о чём-то задумался или пытался вспомнить. – Но, к сожалению, Женя еще не успела приготовить блинчики с творогом. Она только недавно встала, и ей нужно какое-то время для приготовления завтрака. Ты ведь должен понимать, что приготовление такого завтрака, как блинчики с творогом, должно занять определённое время, а кроме того...

– Спасибо, брат, – прервал его Розенский, слушая минут

десять. – Я не особенно голоден. Да и не хотелось бы занимать ваше с Женей утреннее время. Опять же, сегодня суббота.

– Ну, это ты напрасно! – обиделся Валерий. – Ты же знаешь, как мы всегда рады твоему приходу. Не так часто бываешь у нас. Я помню, приглашал тебя на майские праздники, а теперь август. Сегодня и день какой особенный и замечательный: действительно суббота! Еще День города. Одним словом, прекрасный сегодня день. И погоду обещают солнечную, небо ясное. Я сам вчера вечером в новостях зачитал сводку метеоцентра. Так что, могли бы у меня посидеть, позавтракать, тем более Женя сегодня будет готовить блинчики с творогом... несмотря на субботу! Детей-то нужно покормить. Ну, а потом могли бы все вместе прогуляться по городу, как никак, а День нашего города.

– Спасибо, Валера, – сказал Розенский, продолжая слушать с длинными паузами профессионального радиоболтуна, не привыкшего, видимо, держать рот закрытым, а по теме «День города» его было бы теперь и вовсе не остановить, только оборвать: – У меня другие планы. Мне надо кое-что поспеть сделать именно сегодня, потому и пришел к тебе.

– Ах, жаль! Но я понимаю, я знаю, ты по делу... Каждый должен быть «человеком слова и дела» – это как заповедь... Не понимаю, почему Моисей не включил такую конкретную заповедь в свои наставления... Хорошая была бы заповедь для людей. Вот Женя у меня тоже человек слова и дела, она

еще неделю назад сказала, что приготовит на завтрак блинчики с творогом, которые, надо заметить, не так часто готовит, но готовит изумительно и так, что ей позавидует любой шеф-повар... Так вот, она обязательно приготовит сегодня на завтрак блинчики с творогом. А уж я к ним заварю исключительный чай...

Возникла пауза. Валерий внимательно посмотрел на пришедшего, что-то вспоминая, но Розенский его на этот раз перебил, догадываясь, что темой может стать слышанная вечером история о чае или снова суббота, после чего можно и вовсе забыть о двадцати рублях:

– Извини, Валера. Я действительно зашел по делу, а ты обещал и обещание, я знаю, всегда выполняешь... Мы говорили о двадцати рублях, которые очень мне нужны.

– Да, конечно! Я знаю и приготовил. – Он нехотя полез в карман и вытащил маленький газетный сверток. – Здесь то, о чем говорили. Можешь на всякий случай проверить, сумма купюрами по три рубля, зелёненькими, они совсем новенькие, такими нам выдавали на неделе аванс. Вышла, правда, небольшая незадача. Дело в том, что двадцать рублей купюрами по «три» дать никак нельзя. Получается что или восемнадцать, или двадцать один рубль. Но я решил, что не имею права дать меньше, чем просит брат, поэтому здесь ровно двадцать один рубль. – Он продолжал держать деньги, не отдавая брату, и было совершенно понятно, что он давно приготовил эти деньги, чтобы отдать, но наговорил кучу ерунды,

чтобы как-то оттянуть время или, если бы получилось, вовсе не отдавать деньги.

Розенский сам быстро забрал у него сверток с деньгами, не разворачивая, и сказал:

– Спасибо, Валера. Как я могу тебя проверять. Разумеется, делать этого даже не буду. Но хочу заметить, что я запомнил рассказанную тобой историю про пачку чаю. Я сделаю все так же, как когда-то сделали наши отец и дядя, подарок в двадцать один рубль за мною.

Отходя от дома брата, Розенский развернул сверток, чтобы переложить деньги в карман пиджака. В свертке были действительно купюры достоинством в три рубля, их на ходу пересчитал: оказалось шесть, а не семь, как сказал Валерий. Он остановился и снова пересчитал, проверил сверток – не забыл ли в нем каким-то образом купюру; но нет, было шесть, а не семь трояков. Он развернулся, решив было вернуться назад, подумав, что просчитался брат, ошибся нечаянно... Но скривил тут же в саркастической улыбке губы и произнёс вслух: «Брат сказал, что в свертке двадцать один рубль, специально подчеркнул это, будет думать, что отдал именно двадцать один рубль». Розенский в сердцах скомкал газету и швырнул в сторону, деньги сунул в боковой карман пиджака, думая о том, что день начался и хорошо, потому что добыл-таки деньги, и плохо, потому что родной брат недодал целых три рубля.

Розенский часто думал о том, откуда у некоторых мно-

го денег, за счет которых они могут позволить себе беззаботную жизнь. Вспоминал знакомых и их знакомых, у кого водились деньги. Но и без арифметики было понятно, что получали они деньги не с официальных доходов. Поэтому Розенский, имея самые общие понятия-представления о политэкономии, глагол «заработать» даже не брал в расчет как способ иметь большие деньги, потому что в нём было корневое слово «раб», и зарабатывать своим трудом означало быть в рабстве, трудиться на кого-то; а кто в рабстве – тот не может иметь много денег. «Иметь много денег, – думал и делал свой вывод Розенский, – можно тогда, когда на тебя работают, для этого нужно уметь обманывать работника, например, платить ему меньше, как платит государство. Таким образом, без обмана, без банального воровства, а ещё умения взять деньги там, где они есть, в особенности пользуясь властью, служебным положением, никто много денег не имел».

Хорошее настроение было испорчено – Розенский вернулся домой злым. Он долго и пристально разглядывал себя в зеркале, словно актёр в театральной уборной перед выходом на сцену, пытающийся обнаружить пропущенные гримером важные детали маски-лица. Розенский любил себя: гладкую и холеную кожу, лицо с чуть отечными веками, что вовсе не свидетельствовало о болезни сердца или почек, а, наоборот, придавало лицу какой-то налет усталости и задумчивости, даже привлекательность; любил руки, мягкие и ухо-

женные, как у хирурга или пианиста, не знающие грубого физического труда; любил свои глаза, карие, во влажной задумчивости которых таилось то, что принято называть «чужая душа – потёмки». Он тщательно побрился, долго принимал ванну, потом провожал ленивым взглядом, как сбегает в водосток мыльная вода, кружась воронкой, и прикидывал, как бы расчетливее распорядиться деньгами, полученными от брата. Как ни складывал в уме возможные расходы на закуски и блюда в ресторане, а в особенности если заказывать спиртное, – получалось с большой натяжкой, и был от этого страх, что может не уложиться; а что было ужаснее всего, опозориться в первый же день с женщиной. Он решил, что в ресторан Арумову не будет приглашать, а поведет в какое-нибудь кафе, где цены ниже.

В прихожей зазвонил телефон. Розенский взял трубку и услышал голос Валерия. «Прости, Миша, – причитал Валерий, – я только что у себя в портмоне обнаружил лишнюю купюру в три рубля, которой не должно быть, потому что из полученного аванса отделял тебе именно семь таких купюр. Но, видимо, ошибся». – «Брат, что ты такое говоришь, я еще и не разворачивал свёрток, – соврал Розенский-младший. – Если даже ты положил шесть купюр, а не семь, то это совсем не страшно». – «Всё же мне очень жаль, – продолжал Валерий, – сегодня ведь суббота. В такой день сделать что-то, а еще сделать плохо – вдвойне грех!» – «Не отчаивайся, главное, ты меня выручил в важный для меня день, и это доро-

того стоит. Тебя Бог за это вознаградит!»

Через час Розенский, одетый как для прогулки за город в тонкой вязки свитер поверх белой сорочки, джинсовые брюки и легкие туфли, прохаживался вдоль павильонов в городском парке, где только что закончились официальные мероприятия и начались гулянья. Он посмотрел на часы: стрелки показывали двенадцать; ругнул себя, что накануне не осмелился назвать ни место, ни время встречи в парке, считая, что было бы слишком навязчиво с его стороны, теперь оглядывался по сторонам, пытаясь найти Арумову. Морщина досады пролегла у него между бровей, когда подумал, нахмурившись, что пришел еще и с пустыми руками – без цветов. Но успокоил себя тем, что они условились просто увидеться на городских гуляньях, это не было свидание, на которое следовало обязательно прийти хотя бы с одной розой. Он вспомнил, что было принято назначать встречи в парке у главного фонтана, и пошел к нему. Через пару минут действительно увидел Арумову на лавочке у фонтана.

День был ветреный, не по-летнему прохладный (прогноз Валерия не оправдывался); на юг, торопясь и сталкиваясь, словно убегали от кого-то, быстро плыли в большом количестве низкие облака; внезапная свежесть, вдруг возникшая в воздухе, еще вчера теплом, говорила, что где-то далеко, на севере, уже наступают холода.

Арумова была одета по погоде, в легком летнем плаще и закрытых туфлях. Подходя сбоку, Розенский понял, что, су-

дя по тому, как она нетерпеливо поглаживала ручки лежавшей у нее на коленях замшевой сумочки, опустив низко голову, – сидит здесь давно. «Оно и к лучшему, – подумал Розенский. – Нервничает – значит ждёт».

Он подошел и поздоровался:

– Вот вы где! А я вас ищу и ищу, и переживаю, и волнуюсь, вдруг вы не пришли.

Арумова вскинула на него чуть было не потухшие из-за долгого ожидания глаза и подумала: «Какой он все-таки хороший, приятный и добрый человек; но совершенно неопытный в уходе, не сказал, ни где должны встретиться, ни во сколько». – Ей сильно нравилось так думать. Ещё думала: «Какой же он искренний и бесхитростный, непосредственный... Бедняжка, побегал немало, видимо, в ее поисках по парку, а парк-то большой. Но и я хороша, могла бы вчера сама сказать, где и когда встретиться... Что было изображать из себя наивность при складывающихся отношениях?» – Она радостно сказала, чуть солгав, потому что сидела с добрый час:

– А я только присела отдохнуть, находилась, насмотрелась всего, столько впечатлений. Как прекрасно все городской управой устроено!

– Стараемся, – улыбнулся Розенский. – Организовать такой день достаточно хлопотно и потребовало немало сил да и средств.

– Понимаю. Вам тоже пришлось потрудиться?

– Конечно! – врал охотно и Розенский. – Но ведь все для людей. Я всегда ощущаю какую-то особую прелесть в подготовке такого дня. Знаете ли, сравнил бы его, например, с суею предновогодней.

– Какое хорошее сравнение.

– Но после хочется немного и отвлечься, как-то изменить обстановку.

– Тогда, Михаил Львович, есть предложение: если пройти еловую аллею, за ней, как знаете, начинается чудесная березовая роща. Я ее обожаю. Лучшего места в нашем городе для отдыха, чтобы отвлечься, как вы сказали, от дел и повседневной суеты, не найти. Идём?!

И они пошли рядом, но не очень близко друг к другу, как ходят еще не объяснившиеся в любви романтические влюбленные. В роще действительно было совсем мало людей, предпочитавших шелесту листьев берез шум массового гулянья, развлечения и кулинарные пристрастия, во множестве предлагаемые в разных местах парка. Держать долго паузу молчанием было нельзя, и Розенский сказал:

– У вас интересная работа! Наверное, очень нравится?

– Почему так решили? – сказала Арумова.

– Ну, во-первых, ваша работа нужна и важна, коль она активно поддерживается государством, «Спортлото» сильно рекламируется; во-вторых, есть в ней элемент загадочности, чего нет во многих других видах деятельности, а это немаловажно, потому что всегда происходит что-то новое и инте-

ресное. Разве не так? Думаю, что есть какой-то особый секрет этой игры, чего до сих пор не понял или не знаю. Знают, наверное, те, кто выигрывает по-настоящему.

– Что вы! Нет никакого секрета, есть просто везение или невезение. Если бы действительно была какая-то тайна, то разве её рано или поздно не разгадали бы люди? Но сколько умов ни билось, пытаюсь раскрыть возможности выигрышей, ничего не смогли. Занимались разгадками подобных игр даже в далеком прошлом. Став директором, столкнувшись с такой пикантной темой, как игра, разумеется, я специально стала этим интересоваться, обращалась к очень знающим и осведомленным товарищам. Как мне стало известно из очень подробных экскурсов в историю игр, этим, оказывается, занимались даже выдающиеся математики, которые, как и все люди, имели слабости к тем же играм. Со слов наших методистов знаю, что ещё в XVI и XVII веках были написаны трактаты под такими названиями, как «Об азартных играх», «О расчётах в азартных играх». Авторами их были выдающиеся люди, например Гюйгенс, ученик великого Декарта, заложивший основы современной алгебры; швейцарец Бернулли тоже что-то вроде этого высказался, когда создавал теорию вероятности. Доказали они лишь одно – на всё воля случая. Впрочем, это отдельная тема, которую продолжают обсуждать и теперь. Сама я давно перестала играть и больше не хочется. Ну, а работа в «Спорлото» – это обычное рутинное дело. Каждую неделю одно и то же. Я имею в

виду организацию по обработке билетов, их хранение до и после розыгрыша лотереи, который проводится в центре – в Москве.

Она говорила примерно то же, что Розенский слышал от Пивнева.

– Все ж таки это необычное предприятие, которому совсем не жаль посвятить время, – сказал Розенский.

– Может быть, – ответила Арумова. – В любом случае это работа, которую следует делать, коль она, как вы говорите, важна и нужна. Ваша работа, считаю, еще более нужна, потому что вы поддерживаете таланты, кого-то только начинающего в спорте, кого-то за уже достигнутые успехи в спорте. Мне очень приятно видеть молодых и здоровых людей, увлекающихся спортом и физкультурой. Ведь они будущее наше.

– Это да! – пафосно воскликнул Розенский. В нем разыгралась почти ребячья шаловливость. – Я по должности обязан быть примером молодежи, доказывать и показывать, что не просто чиновник с инструкциями, планами работы и проверками, а вполне себе соответствую тому, что называется «здоровый дух в здоровом теле», – переиначил он известную поговорку.

Он вдруг сошёл с дорожки к дереву, подпрыгнул, ухватившись обеими руками за низко повисший сук, и стал уверенно подтягиваться, демонстрируя неплохую физическую форму. Подтянулся не менее двадцати раз, порозовел в результате этой мальчишеской, но какой-то трогательно-при-

тягательной, выходки.

– Браво! – теперь настал черед восклицать Арумовой, которая рядом с ним вдруг почувствовала себя словно на десяток лет моложе. – Право, не ожидала, но восхищена увиденным. Впечатляет!

Между ними как-то само собой, то ли от их же ожидания и сильного желания отбросить остававшееся официальное обращение друг к другу, то ли от легкомысленной, но искренней выходки Розенского, сразу установились простые отношения.

– Мне стало даже жарковато, – сказал Розенский, сунул было интуитивно руку в карман, чтобы достать платочек итереть с лица пот, но, не обнаружив его, поморщился.

Заметив его замешательство, Арумова в порыве заботливости протянула ему аккуратно сложенный платочек.

– Возьми мой, – сказала она, обратившись на ты. – У меня всегда есть запасной, свежий! – Быстро спохватилась: – Извините, Михаил Львович. Что это я?..

– На ты? Так это же здорово! – сказал Розенский. – Спасибо за платочек. Не сибарит я, да и устал от каждодневного официоза. Хорошо бы перейти на ты, даже если оговорилась случайно.

– Случайно ничего не бывает.

– И я о том же. Пошли лучше съедим по мороженому, есть здесь поблизости кафе.

Сказав это, Розенский глубоко вздохнул, удивившись себе

самому, как у него всё складно произошло и с подтягиванием, и с кафе-мороженым, по ценам которого он должен гораздо лучше уложиться со своим бюджетом в восемнадцать рублей.

И скоро они сидели в уютных креслах друг против друга под резными широкими листьями комнатной лианы, утопавшей толстым одревеневшим стволом в деревянной кадучке. У них на столике был пломбир с засахаренными ягодами клубники, чайник, кувшинчик с горячими сливками и любимые им заварные пирожные, на которых он, выбирая из меню, не заметив ее ироничную улыбку, настоял.

– Да ты, оказывается, сладкоежка, – сказала она.

– Что поделаешь! – вздохнул Розенский, разливая чай. – Водится такой грешок.

– Учту на будущее, – сказала Арумова, осторожно принимая от него чашку горячего напитка.

Но в её словах слышалось несравненно большее и многообещающее в начавшихся между ними отношениях; выдавали её и глаза – в них тоже рождалось нечто большее, чем простое любопытство, с которым она ранее смотрела на Розенского.

И для Розенского была маленькая победа, он считал, что смог добиться расположения этой женщины, почти не сомневаясь, что скоро услышит встречное предложение, – она его пригласит к себе.

Арумова думала иначе, испытывая многое на своём ве-

ку, она давно была склонна к тому, что мало что зависело от неё самой, от её воли в том, как складывалась её жизнь; верила, что всё то, что с нею происходит – предначертано судьбой, этот молодой человек в её жизни тоже не случайный, с ним должна познакомиться ближе.

Розенскому Михаилу приходилось бывать в разных квартирах прежних возлюбленных. В них случалось всякое: порядок и беспорядок, чисто и не очень, но почти всегда не было ощущения уюта, несмотря на то, казалось бы, что они принадлежали молодым женщинам; жилье больше бывало похоже на сдаваемые внаем меблированные комнаты, временное, куда только и приходят, чтобы переночевать, всё было пропитано запахами духов, помады, какой-то химии, словно после только что закончившейся генеральной уборки, как в общественных местах, чтобы не допустить распространения инфекции-заразы. Может быть, это было связано с тем, что неустроенной была их личная жизнь, а это отражалось на быте.

У Арумовой было по-другому. Уютом пахло на него, как только он вошел в квартиру. Понятно стало сразу, что здесь его ждали, и ждали по-особенному, пахло чем-то очень вкусным, только приготовленным. Если прежде, как только он появлялся в квартирах своих подруг, почти с порога начиналось именуемое любовью сумасшествие физически соскучившихся людей, срывавших с себя и друг с друга одежду, теперь было всё иначе. Его встретили с улыбкой на губах и светящимися радостью глазами, которые он запомнил с прошлого свидания; было желание прикоснуться к ним, при-

коснуться просто, в немом приветствии, чтобы замереть на мгновение в ожидании чего-то большего; но не смел, оставленный интеллигентной внешностью хозяйки, с которой были невозможны такие фриivolности; она и одета была подчеркнуто нарядно, что было очень непривычно для Розенского, хотя и сам он для этого визита одел лучшее из своего скромного гардероба: был он в сером твидовом пиджаке, черных хлопчатых брюках, белой рубашке с синим галстуком и поношенных, но еще очень приличных лакированных коричневых туфлях. На Арумовой было длинное золотистого шелка платье с декольте, на шее повязан газовый зеленый шарф, прикрывавший две нити белого жемчуга; обуви в туфли из сафьяна насыщенно-бежевого цвета, гармонизировавшего с платьем. За спиной хозяйки, через открытые в залу двери, был виден богато накрытый стол. Все говорило о чрезвычайной серьезности её отношения к их встрече. И Розенский сильно робел в непривычной для него обстановке, боялся нарушить немного старомодный порядок приема и проявления чувств. И всё же опыт общения с женщинами говорил ему, что Арумовой не чуждо ничего человеческого, но она умеет себя держать, не в пример его прежним пассиям. Было это видно хотя бы по еле уловимому трепету и дрожанию ее губ, когда она тоже волновалась, разговаривая с ним. И его наблюдение не было ошибочным. Время одиночества не потушило в Арумовой чувства быть желанной, оно в ней теплилось, как сохраняется жар под тонким слоем пепла за-

тухающего, казалось бы, костра, но готового вспыхнуть с новой силой, стоит лишь раздуть его и поднести сухую щепу.

Он прошел в залу вслед за хозяйкой. Перед большим окном стоял изобиловавший закусками и блюдами стол и кресла-стулья, вдоль стен была горка, заставленная столовыми сервизами, хрусталем и цветным чешским стеклом; в глубине комнаты просторный кожаный диван, рядом с ним торшер и закрытый книжный шкаф. Розенский, замешкавшись, остановился посередине залы, оценив достаток дома и очевидный, хороший вкус его владелицы. Арумова, наблюдая за ним, сказала с лёгкой иронией в голосе, полагая по-прежнему, что перед нею недостаточно искушенный человек:

– Что это вы, Михаил Львович, какой-то неуверенный? Чувствуйте себя как дома! – Она неожиданно протянула ему навстречу обе руки, приветствуя его таким образом ещё раз, и сказала: – Мы ведь, кажется, уже на ты. Ну же, будь смелее!

Розенский действительно растерялся, не зная, как себя вести. Он первый раз был у неё. Следовало ли из этого, что нужно соблюдать этикет гостя, к которому продолжают присматриваться и которого еще изучают, либо в её жесте и словах было какое-то приглашение вести себя не только проще, но и гораздо откровеннее – они же люди взрослые, – да и не было никакого сомнения в том, что он ей симпатичен, и можно не продолжать сдерживать чувства.

Он взял её ладони, теплые и мягкие; она в ответ крепко сжала его руки; и это рассеяло все сомнения Розенско-

го, к нему вернулась уверенность в себе прежнего сердцеда. Он резко обнял её, поцеловал сначала в щеки, потом прильнул к губам. Арумова сперва обмякла, всецело доверившись мужчине, потом стала слабо отвечать взаимными поцелуями, время от времени шепча банальное, что у неё на плите остывает горячее и что теперь уже время обеда, а он, наверное, голоден...

– Если и голоден, – осмелел совсем Розенский, сильно прижав ее к себе, так что она ощутила его крепость, – то совсем по другому поводу.

Она слегка отстранила его, лукаво сверкнув глазами, и потянула к дивану, позабыв мгновенно и о кухонной плите, и обо всём другом в целом свете. Исчезла куда-то её недавняя сдержанность, немного театральное приличие, которого не может быть в подобных ситуациях; сам собой развязался и слетел с шеи шарф, заскользил с плеч золотой шелк платья, обнажая молочно-розовую истому тела, источающего такое сладострастие, что Розенский, уже вполне овладев собой, знал, что делать дальше.

И произошло то, что должно было произойти между свободными от каких-то обязательств мужчиной и женщиной, имевших друг к другу интерес; она дрожала всем телом от её захлестывающей чувственности, от которой мозги немели, и всякая мысль была ничтожной, когда слышала сквозь помутненное сознание одно слово – ее «любят!»; и после этого всё остальное, происходившее в мире, становилось совершенно

неважным, даже ничтожным.

Но тайное и есть тайное, не явное, и Арумова не могла знать, даже догадываться, что изначальный интерес у Розенского был вовсе не к ней, уставшей от одиночества женщине, желающей устроить свою жизнь. Она, конечно, могла бы задуматься, что такого в ней увидел мужчина младше ее, чем она обратила на себя внимание? Но разве это было важно, когда она чувствовала его внимание? Наоборот, ей это льстило, давало надежду, что еще не всё в жизни прошло, что желанна и любима, что интересы теперь у них должны появиться тоже общие, потому как они стали одним целым.

Большинство людей, знавших Арумову мало, только со стороны, судивших о ней по материальному достатку и положению в обществе, а она всегда была при хорошей должности, считали ее баловнем судьбы. Сама Арумова так не думала. Выросла она в семье мелких служащих, где было принято считать каждую копейку в скромном бюджете, не позволявшем тратить даже на лишнюю игрушку из-за постоянной бережливости. Мать служила бухгалтером на заводе, имела дело с деньгами, но сама этих денег не имела. Отец дослужился до старшины в одной из воинских частей, где имел должность заведующего складом амуниции, которая только и была нужна военным, да разве еще пользовалась спросом у охотников и рыболовов, но тщательно учитывалась, каждая портянка и пуговица выдавались под роспись в особом журнале. Он горевал по этому поводу, мечтая получить другой

склад – поинтереснее, военного довольствия и продовольствия, где было больше возможности как-то разжиться, чем с его униформой, спиртом например, который можно не долить, а от куска маргарина отрезать на кухню меньше, пшена или сахара недосыпать и прочее, – всё это могло бы дать немалую прибыль для себя и семьи. Но там служил другой старшина – свояк командира части, и, разумеется, получить эту должность было не легче, чем должность генеральскую. И всё же в семье случался праздник, когда мать, помимо одного оклада, вдруг получала премию; а старшина умудрялся, несмотря на строгий учет, иной раз что-то списать, кому-то не отдать, а затем продать ботинки или бушлат рыболовам и охотникам, тогда в семье появлялись дополнительные деньги.

До поры Анна не знала, как появляются неожиданные для бюджета семьи деньги, но, повзрослев, узнала, что премия, оказывается, выплачивалась из экономии заработной платы работникам, которым в течение года постоянно что-то «забывали» начислять либо от которых просто скрывали истинные тарифы, разряды и другое, а военную амуницию в магазине хотя не продавали, но все рыбаки и охотники их городка знали, что есть старшина Арумов, который ею заведует. Родители её не атеисты, не верующие, не мудрствовавшие много по поводу того, что есть грех, а что не грех, – подобной метафизикой ни себе голову не забивали, ни дочери, не уделяя этому внимания в ее воспитании, считая, что не

нужно даже тратить время на такую чепуху, а просто жить, чтобы было что каждый день есть, пить, одеть. И Арумова, взрослея, чем дольше жила, понимала, что бережливость и скромность равны бедности, а хорошо жить можно, если поступать хотя бы чуть-чуть не по установленным правилам. К этому не сразу привыкаешь, потому как есть в каждом человеке чуть-чуть совести от природы, но когда привыкнешь, то природные «чуть-чуть» само собой как-то проходят, а в человеке укореняется-устанавливается приобретенное от социума, среди которого он живёт.

Она сначала по настоянию родителей училась в торгово-кулинарном техникуме на технолога, чтобы получить специальность, с которой никогда не будешь голодать. Потом поступила в институт торговли, чтобы быть не только сытой, но и попасть в устоявшуюся (если не специально устроенную) в государстве систему распределения постоянного дефицита средств жизни, руководить теми, кто всегда при еде, питье и других материальных благах и без чего не может обходиться ни один человек. Ей удалось устроиться в этой системе, обзавестись кучей нужных людей, что было важно не только в ее время, но и актуально во все времена. Став директором крупного торгового управления, её возможности и вовсе стали неограниченны; она, вспоминая родителей, про себя только улыбалась, думая о том, как скромны были их возможности, чтобы более-менее жить и не тужить, чтобы было каждый день что есть, пить, одеть. Всё, казалось

бы, имелось у нее, и достаток, и такое даже появившееся неожиданно для неё самой качество, как желание облагодетельствовать кого-либо, не совсем, правда, искреннее, потому что нравилось, когда в ответ хвалили и благодарили, и это было как елей на её тщеславие. Но подводила привычка поступать чуть-чуть не по установленным правилам, от которой было трудно отвыкнуть.

Ох уж этот установленный с незапамятных времен *modus vivendi* (образ жить) красиво! Очень она любила жить красиво – а кто не любит из тех, кто имеет такую возможность?.. Особенно нравилось теплое море, чистый воздух и много солнца, которых не было или не хватало в большом, тесном и душном городе. Её финансовые возможности вполне позволяли бывать в любимой Ялте или Кавказской Ривьере хоть несколько раз в году; но зачем было тратить на недешёвый отдых, если она директор крупного торгового управления. В ее подчинении были сотни работников, обслуживающих магазины, склады, палатки и прочие торговые предприятия. Государство в лице профсоюзов тоже любило продемонстрировать, что заботится о работниках, и в торговое управление приходили путёвки, по которым можно было поехать в санатории и дома отдыха. Но слишком много было работников, а мало путёвок. Арумова трудный вопрос по распределению путёвок решала по-своему, чтобы не вносить раздор среди работников и исключить между ними такое плохое качество, как зависть, – это когда кто-то едет на море, а кто-то не едет.

Она совсем перестала выдавать простым работникам путевки, их «распределяли» её «ручные» отдел кадров и председатель профсоюза втихую, между руководством и собой. Продолжалось так не один год, но, как водится, объявился правдолюбец, решивший нарушить устоявшийся порядок с путёвками, написал анонимку о злоупотреблении директора Арумовой. Приехала в ее торг комиссия. Факты подтвердились. Как-то надо было реагировать, несмотря на нежелание начальства наказывать обаятельную, всех устраивающую в качестве директора женщину, – её в результате тихо освободили от занимаемой должности, но вскоре доверили руководить другим управлением – «Спортлото».

Разумеется, Арумова скучала по прежней должности, поначалу горевала в новом управлении, потому как сразу не могла понять, для чего вообще нужна эта организация. Но ей объяснили, она всё поняла и была несказанно удивлена, как, оказывается, ничего не производя, затрачивая минимум средств на устройство «Спортлото», государство получало баснословные доходы, сопоставимые с прибылью какой-нибудь отрасли промышленности. Обратная, моральная сторона никого не волновала. Если, например, «пьяные» деньги собирались за счет продажи населению спиртного и эта тема время от времени хоть как-то обсуждалась и возникала в стране очередная кампанейщина «борьбы с алкоголизмом», то в «Спортлото» без комментариев эксплуатировалось и поощрялось такое низменное качество человека или

порок, как желание жить на дармовщину и страсть наживы. Лицемерно утверждалось, что в аббревиатуре «Спортлото», слово «спорт» хотя бы и использовалось исключительно для рекламы, как если бы это был действительно какой-то вид спорта, но все средства от игры идут на развитие спорта.

Встречаться Розенский с Арумовой стали почти каждый день, хмелевшие от новизны и остроты чувств, их переполнявших, поэтому ненасытных до беспамятства. Арумова понимала и остро чувствовала, что ей отпущено вперед не так много лет для полноценной жизни биологически здоровой женщины, знала, каково это ночами при ненавистном одиночестве испытывать вплоть до приступа мигрени желание. И она не хотела отпускать Розенского, боялась упустить его, думая о своём, об уходящих годах, о чем не задумывалась еще лет десять тому назад. Во время одного из свиданий Арумова сказала, что не может совершенно сосредоточиться на работе, не может дожидаться вечера и встречи с ним; работа ей в тягость, нужно подумать о себе, отдохнуть, она предложила взять отпуск, чтобы вместе уехать на юг.

– Мы можем прекрасно провести время, и это будет незабываемо, и потом сейчас самое время, бархатный сезон. Представляешь, море за лето нагрелось, солнце не жарит, как в июле, нет очередей, толкотни и суеты из-за отдыхающих с детьми... – Она даже прикрыла глаза, воображая, как может провести неделю-другую на море со своим мужчиной, и это поможет еще сильнее сблизиться, привыкнуть друг к другу.

Розенский в ответ вздохнул с грустью в голосе.

– Что-то не так сказала? – вопросительно взглянула Арумова.

– Ты очень все красиво рассказываешь, можно только мечтать.

– На то и мечты, чтобы сбываться, – сказала Арумова. – Разве ты не готов их осуществить?

Розенский снова вздохнул, соображая, что бы такое сказать в оправдание, чтобы не было стыдно за себя, соблудности приличие, потому как совершенно не имел финансовой возможности устроить поездку на двоих, но услышал от Арумовой:

– Понимаю... сразу не подумала. Это будет мой подарок... (Розенский пытался возразить.) – Она не дала ему сказать, обняла, прильнув в долгом поцелуе... – Никакие возражения не принимаются!

– Буду твой должник.

– Все хорошо, любимый... У тебя все впереди... Да, кстати, я ведь обещала, что тебя включим в состав общественной комиссии по обработке и оформлению тиражей «Спортлото». С тобой так хорошо, что память отшибает. Так вот, ты включен в состав комиссии, примешь участие уже в эту пятницу, когда заканчивается прием частей «Б» и «В». Твою кандидатуру одобрили наверху... Как было им не поддержать, если тебя назвала я, да еще кандидат при самой необходимой для нас должности – инструктор спорта! Как рань-

ше не додумалась? Давно бы познакомились.

И скоро настал день и час для Розенского, когда он переступил порог организации, которая для него казалась землёй обетованной, воплощением его многолетних мечтаний узнать нечто о «Спортлото», что недоступно простому обывателю.

Зональное управление «Спортлото» занимало несколько помещений, расположенных под трибунами местного стадиона, в противоположной стороне от главного входа, где к стадиону примыкал парк. Сюда раньше Розенский приходил лишь раз, в кассу, за единственным выигрышем. Вывеска «Спортлото» объёмными золочеными буквами на выкрашенной охрой чугунной доске выглядела впечатляюще, как на каком-нибудь министерском здании. «Сделано со вкусом, – отметил он про себя. – Раньше, видимо, не обращал внимания, может быть, была другая вывеска».

Он сразу зашел к директору. Арумова была не одна, в ее кабинете сидели еще два человека. Все ждали его. Она поздоровалась с ним за руку, по-деловому, но глаза были лукавые, давали знать о тайне, которая известна им одним.

– Знакомьтесь, товарищи! – обернулась Арумова к остальным. – Розенский Михаил Львович. Он, как и вы, утвержден в общественную наблюдательную комиссию зонального управления «Спортлото». Работает инструктором по спорту и культуре городского исполнительного комитета. А это, Михаил Львович, – Арумова снова смотрела, не сводя

глаз, на Розенского, – ваши коллеги по комиссии: Покулов Алексей Алексеевич, в прошлом известный спортсмен, ныне заслуженный пенсионер (Розенский, оказалось, его знал как комментатора футбольных матчей, имевшего прозвище Стакан за склонность выпивать), и Каустов Виктор Викторович – он возглавляет профсоюз организации инвалидов.

Розенский поздоровался с ними; ощутил крепкое рукопожатие первого, одарившего его какой-то по-детски счастливой улыбкой на добродушном лице почти старика; второй коллега был явно подслеповат, имел, очевидно, к обществу инвалидов не опосредованное, а прямое отношение, и, здороваясь, будучи невысокого росточка, так близко подошёл к Розенскому, пытаясь его разглядеть, что ткнулся носом ему в подбородок.

«В такой компании ещё не доводилось бывать!» – можно было читать на лице Розенского, поморщившегося и вежливо отстранившегося от Каустова.

– Располагайтесь удобнее, товарищи, – сказала Арумова. – Сейчас Зинаида Ивановна, наш секретарь, принесет чай, а я вам подробнее, это входит в мои обязанности, расскажу о порядке работы нашего управления и о ваших обязанностях.

– Будет ли еще что к чаю, кроме конфет и печенья? – сказал Покулов, потирая с серьезным видом кончик носа.

– Алексей Алексеевич, я поняла, ценю ваш юмор, но только конфеты и печенье. Остальное, вы знаете, после работы.

– Анна Андреевна, – заговорил Каустов, – я же знаю о

моих обязанностях.

– Повторение – мать учения! – заметил Покулов, продолжая тереть нос.

– Правильно! – сказала Арумова. – А есть еще и регламент в нашей работе, который нужно соблюдать... – Она сделала паузу, ожидая, пока секретарь расставляет стаканы в подстаканниках, как в поезде, и разливает чай.

Секретарь Зинаида Ивановна – почти старуха, которая здесь работала с рождения их управления, с заметными признаками болезни Паркинсона, с зачесанными сильно назад волосами, уложенными в сетку, в белой, навывпуск, сильно накрахмаленной, шуршащей во время движения рубашке, поверх которой лежали крупные янтарные бусы, – не торопилась, боясь расплескать чай дрожащими руками. Наконец, подала всем чай, и Арумова продолжала:

– Вы, Алексей Алексеевич, и вы, Виктор Викторович, в комиссии два месяца, а Михаил Львович сегодня первый день, и, поскольку состав комиссии поменялся, я буду рассказывать заново... Вы знаете, что основной принцип работы «Спортлото» – это максимальная прозрачность нашей работы для людей и обеспечение надёжности всего процесса, связанного с работой, а также сохранность лотерей. Разные общественные организации делегируют нам своих людей, уважаемых и заслуженных членов нашего гражданского общества. Составляются списки примерно по тому же принципу, что на народных заседателей в суды. Из этих списков и

выбирается состав комиссии, в которой всегда три человека, участвует каждый из них год, затем происходит обновление состава комиссии. Вы, Алексей Алексеевич, представляете Общество ветеранов спорта, Виктор Викторович – Общество инвалидов, Михаил Львович, помимо основной работы в нашем горисполкоме, является сопредседателем спортивного студенческого общества «Буревестник». Ваша задача наблюдать за обработкой нашими статистами-счетчиками карточек частей «Б» и «В», поступающих в зональное управление «Спортлото», обслуживающее несколько областей. Карточки собираются в пачки по пятьсот штук, потом разрезаются на специальном станке, его у нас прозвали гильотина; получается, что «Б» отделяется от «В», эти разделенные пачки мы кладем на хранение по разным сейфам, которые затем опечатываются и закрываются до понедельника. Каждый сейф запирается на три разных замка и опечатывается тремя разными печатями. Печати и ключи находятся с момента закладки частей «Б» и «В» у каждого из вас, и, кроме вас, никто к ним не имеет доступа. Само помещение «Спортлото» в канун розыгрыша, как это будет сегодня к концу рабочего дня, сдается под сигнализацию на пульт милиции, и попасть в него становится невозможным. Да, еще одна важная процедура: прежде чем поместить пачки с карточками в сейфы, они по срезу обрабатываются нашим сотрудником-химиком в красящий раствор, имеющий определенную формулу на каждый тираж, раствор сразу же уни-

что жается, чтобы его больше не использовать, то есть части лотерейного билета, поступившего к нам, еще и помечаются красителем, который не повторить и не подделать. Таким образом, как видите, мы имеем целый набор защитных мер, направленных на то, чтобы исключить возможные злоупотребления с частями лотерейных билетов на время до и после проведения розыгрыша. Всё, что я говорю, детально изложено в инструкции, утвержденной нашим Главным управлением, которое в Москве. С инструкцией вы ознакомитесь и получите под роспись.

Арумова немного устала, перевела дух, взяв стакан с чаем. Розенскому все происходящее было ново и интересно, слушал он внимательно, с любопытством разглядывая директорский кабинет, обставленный отличной румынской мебелью, и старался понять, что за люди его коллеги по комиссии, которые согласно кивали вслед за каждым словом Арумовой, говорившей о безукоризненности придуманных кем-то правил хранения и обработки карточек, о честности организации игры «Спортлото». Но, как человек неглупый, понимал, что всякие правила, как и законы, – это всего лишь номинальный механизм по регулированию каких-то отношений между их участниками, а никакой механизм не совершенен, потому и бытует суждение, что «не там воруют, где много, а там, где оплошно лежит».

– Видите, какая сложная процедура! – продолжала Арумова, начиная повторяться. – Но именно благодаря ей ис-

ключаются всякие злоупотребления с карточками до проведения в Москве тиража. Как вы знаете, проводится он в воскресные дни и показывают его в специальной телевизионной программе. Начиная с понедельника, наши статисты-счетчики просматривают имеющиеся в сейфах карточки и выбирают выигрышные билеты с угаданными числами от трех до пяти соответствующей игры «5 из 36» и числами от трех до шести игры «Спортлото 6 из 49». Билеты вносятся в специальный протокол. С этого же времени граждане, угадавшие счастливые числа, вправе обращаться к нам за выигрышем. Суммы выигрышей устанавливаются в зависимости от сбора денег, вырученных с проданных карточек, и распределяются пропорционально количеству выигрышных билетов и угаданных в них номеров. Ну, например, практика показывает, что за угаданные три числа серии «6 из 49» выигрыш бывает от трех до десяти рублей; за четыре числа от тридцати до ста рублей; за пять чисел выигрыш может составить до тысячи рублей, за шесть, разумеется, всегда гарантированный максимальный выигрыш в десять тысяч рублей. В лотерее «5 из 36», которая специально организована для стимула игроков, угадывающих меньшее количество счастливых чисел, суммы распределяются также пропорционально счастливым числам, но самый крупный выигрыш остается неизменным – десять тысяч рублей.

После последних слов Арумовой все вздрогнули, волнительно заерзали на стульях и стали многозначительно пе-

регладываться, ощущая почти физически сопричастность к свершающимся в этих стенах важным, судьбоносным для тех, кому повезёт, событиям.

– Осмелюсь спросить, – сказал осторожно Каустов, обращаясь к Арумовой, – раньше как-то не задавал этого вопроса, как часто бывает выигрыш в шесть чисел, при мне так не было ни разу?

– И при мне не было ни разу, – сказал Покулов, – да и пятерки ни разу, но четверки были.

– За время моей работы, а это восемь лет, – сказала Арумова, – была только раз шестерка, другие числа, как упомянул Алексей Алексеевич, случаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.